

ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА НА ПРИМЕРЕ СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 ГОДА В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

С. С. Карташов

*аспирант Пензенского государственного университета
Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия*

В статье проводится правовой анализ развития преимущественных прав на территории центральной и восточной Европы, положений правовых памятников (Статута Великого княжества Литовского 1529 г., Закона Ярослава, Русской правды). Автором делается вывод о том, что для средневековых правовых систем континентальной правовой семьи характерно наличие признаков указанной дефиниции.

У артыкуле праводзіцца прававы аналіз развіцця пераважных правоў на тэрыторыі Цэнтральнай і Ўсходняй Еўропы, палажэнняў прававых помнікаў (Статута Вялікага Княства Літоўскага 1529 г., Закона Яраслава, Рускай праўды). Аўтарам робіцца выснова аб тым, што для сярэднявечных прававых сістэм кантынентальнай прававой сям'і характэрна наяўнасць прыкмет названай дэфініцыі.

Resume: the article provides a legal analysis of the development of preemptive rights in Central and Eastern Europe, the provisions of legal monuments (Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529, the Law of Yaroslav, Russian Truth). The author concludes that the medieval legal systems of the continental legal family are characterized by the presence of signs of this definition.

При рассмотрении преимущественных прав в государственно-правовой истории народов Центральной и Восточной Европы необходимо отметить, что вне зависимости от сфер жизни общества, регулируемых конкретными отраслями права, в них редко можно найти четкое определение используемого термина «преимущественное право».

Присутствие данного юридического термина детерминирует мысль о том, что он представляет словосочетание, в котором базовым доминантным понятием обладает слово преимущество, поскольку наиболее верно характеризует его сущность, обуславливающую наличие у какого-либо субъекта преимущества перед другими.

В свою очередь самое слово «право» в данном ракурсе указывает на совокупность норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе.

Дефиниция «преимущественное право» характеризуется иным содержанием, и, не смотря на близкое значение, является не синонимичным «преимуществу» в праве.

Сам термин «преимущественное право» не сразу сформировался в юриспруденции. На протяжении веков он вуалировался терминами «привилегия», «преимущества», «льгота», «прерогатива» и, как следствие, аккумулировало в себе большую часть признаков, присущих указанным феноменам.

В течение всех исторических периодов во многих странах Центральной и Восточной Европы законодатели формировали систему преимущественных прав как форму социальной дифференциации, будь то императивные нормы уголовной политики, либо стимулирование через поощрение развития каких-либо сфер жизни общества.

По нашему мнению, доминирование преимущества в словесной конструкции «преимущественное право» объясняется тем, что само понятие преимущества [1] интуитивно понятно каждому субъекту права, вне зависимости от степени взаимодействия с юриспруденцией, поскольку имеет широкое распространение в быту граждан и имеет такие синонимы как приоритет, предпочтение, привилегия и т. д.

В юридической науке преимущество как юридически значимый термин трактуется не однозначно. Например, А. В. Малько и С. Ю. Суменков придерживаются той точки зрения, что преимущества в праве – это дозволение отдельным субъектам иметь особые, дополнительные права и (или), напротив, в освобождении от общеустановленных обязанностей, которые выступают в виде таких юридических средств, как льготы, привилегии, иммунитет[2].

Переходя непосредственно к анализу Статута 1529 г., обнаруживается привилегированное положение шляхты [3] в обществе на данном историческом этапе развития общества.

Исключительность положения шляхты обуславливается статьями приведенного памятника права, обязывающими великого князя не только выступать гарантом их прав, но и накладывает ограничения на права других сословий по отношению к ним.

Стоит отметить, что великому князю запрещалось возвышать простолюдинов до шляхты, поэтому спектр преимущественных прав последних находился вне зоны «социальной досягаемости» менее обеспеченного сословия.

Преимущественные права шляхта имела на ряду с уголовно-правовыми отношениями и в уголовно-процессуальных отношениях. Так в случае, если бы кто-нибудь обвинял шляхтича перед судом без

поличного, то с его стороны было достаточным доказательством своей невиновности – единоличная присяга.

В гражданско-правовых отношениях шляхичи имели исключительное право приобретения и наследования недвижимого имущества у представителей высоких социальных групп, например у панов или князей.

В ходе историко-правового исследования преимущественных прав в государственно-правовой истории народов Центральной и Восточной Европы можно заметить, что преимущественные права менялись с течением времени.

В Средневековой Германии при правлении Оттона I нарекаемого Великим был сформирован и широко использовался правовой акт «инвеститура». Церковные земли рассматривались как королевские лены, если епархиальная кафедра или аббатство оказывалось вакантным, все доходы вместе с церковной десятиной направлялись в королевскую казну. В ходе борьбы с герцогами короли пользовались исключительным правом в качестве сеньора епархии на введение церковного ленника во владении, предоставляя ему приоритет в светской власти как государеву чиновнику наряду с духовной, который они в скором времени получали как главы диоцезов с носимым духовным саном, имея законодательную форму, именно такое содержание в себе несла инвеститура.

В свою очередь сами короли в ту пору, имели преимущественное право наследования имущества почивших духовных лиц, называемое сполиацией. При помощи реализации данного права короли фактически захватывали новые земли, параллельно основывая более крупные и более зависимые от них епархии (Сен-Галлен, Фульда, Констанц) [4].

Создалась система «Оттоновских привилегий», при которой назначаемый королем чиновник (форг) распространял свой иммунитет не столько на крестьянские общины, как предпочтительно на графские владения. Хотя правовое положение графов-ленников было двояким, они зачастую являлись вассалом и герцогов и короля.

Использование указанных преимущественных прав в борьбе с герцогами и с властью Папы Римского настолько укрепило германскую церковь наблюдаемого периода, что это стало основной опорой королей в этом противоборстве и не имело аналогов в католическом мире [5], а об их эффективности и значимости можно судить по возложенной в 962 г. на Оттона I Императорской короны и возрождению Священной римской империи германской нации.

На данном примере через наделение и реализацию преимущественных прав чиновниками государство распространяло свою

власть в религиозном мире и достигало господства над другими странами на политической арене.

Отечественный опыт применения в законодательстве такой категории как преимущественное право можно проследить с XI в. на примере Закона Ярослава или же Русской правды.

Данный правовой памятник весьма ясно представляет нам гражданские слои древней Руси, среди которых наибольшие привилегии представлены боярам и княжеским тиунам, в меньшей степени купцам, военным, придворным и свободным земледельцам[6], стоит отметить, что некоторые из них унаследованы у скандинавов, например, тиуны (от древне немецкого *Thaingn* – муж честный). Холопы же, будь то княжеские, монастырские, либо боярские не имели никаких гражданских прав.

На Руси изначально путь в рабство был уготован исключительно военнопленным, в XI в. были законодательно определены категории людей, относящиеся к холопам, среди которых фигурировали уже и должники и женившиеся на рабе без всяких условий.

В сфере гражданско-правовых отношений хотелось бы отметить, что при обращении к праву истребования долгов иностранные купцы имели преимущество по отношению к местным коллегам, поскольку первые вырученные денежные средства с обращения имущества должника шли именно им [7].

При рассмотрении уголовных дел иностранные граждане имели привилегию – для подтверждения доноса им необходима была присяга от двух людей, а не от семи, при этом варяга, либо чужестранца нельзя было обвинить без показаний семи людей.

Как видно, сформированное в то время законодательство в Древнем Риме, либо Германии не давало всех гражданских прав покоренным народам. Законы Ярослава не полагают никаких различий между россиянами, а преимущественные права дифференцируются в зависимости от знатного происхождения[8].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М., 1999. С 574-621.
2. Малько А.В., Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005. С. 7.
3. Балакин В.Д. Творцы Священной Римской империи. М., 2004. С 72–253.

4. Корвейский В. Деяния саксов *Res Gestae Saxonicarum* (Памятники средневековой истории народов центральной и восточной Европы). Москва, 1975. С 42-46.
3. Пискунов Ф. Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан. К., 1882. С. 296.
4. Свердлов М.Б. Русская Правда (Пространная редакция) / Подготовка текста, перевод и комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. [Электронное издание] / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М., 1995. С. 28.
5. Юшков С.В., Зимин А.А. Памятники русского права/ Памятники права Киевского государства X–XII вв. М., 1952. С 162.
6. Суменков С.Ю. Исключение в праве общетеоретический анализ : автореф. ... дис. д-ра юрид : 12.00.01. Саратов. гос. юрид. акад. Саратов, 2016. 58 с.
7. Учёные записки института славяноведения / отв. ред. П.Н. Третьяков. М., 1952. Т.5. С. 5-342.
8. Карамзин Н.М. История государства российского. М., 2003. С 102-108.